

Интеллигентская историософия¹

Чем больше обращаешься к документам конца VIII — начала XIX века, тем больше видишь несоответствие отраженной в них жизни с распространенными представлениями о том, что происходило тогда. «Дух времени» ускользает от современного исследователя и просто образованного человека, поскольку русская история, вернее, ее описание и понимание, пересекает в указанные годы некий рубеж. С тех пор представление об истории характеризуется каким-то особым, специфическим методом видения. Русская история вдруг превращается из истории войн и дворцовых переворотов в историю литераторов, журналов и борьбы за свободу слова и творчества. Бесконечные цитаты и примеры из художественной литературы каким-то образом постоянно служат аргументами в историческом, историософском или философском изложении. Выясняется, что все серьезное и самостоятельное в России и российской мысли возникает не ранее тридцатых-сороковых годов XIX века. До этого времени мыслители, например, имеют только последователей, а с этого момента они получают и предшественников.

По сути дела, речь идет о традиции толкования — явного или неявного — философии истории и ее состоянии в настоящий момент, не о теоретических философских разработках и концепциях того, что есть история, а скорее о практическом понимании и повседневном использовании интуитивных и полуинтуитивных представлений в работе историков политики, науки, искусства, музыки, театра, философии и т. д.

М. И. Микешин

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов 04-03-0039а и 07-03-00601а.

Известно, что *социально-психологический* портрет интеллигенции еще в начале века нарисован в сборнике «Вехи», причем интеллигенты того времени описывают симптомы и ставят, как врачи, сами себе диагноз. Они делают это в отношении к политике и революции. Меня же интересует не социально-политический, а методологический и эпистемологический аспект интеллигентской ментальности, даже более частная проблема интеллигентской историософии: как видит и понимает историю человек с такой социально-психологической структурой и как он предлагает эту историю изучать.

Для начала необходимо кратко вспомнить психологический портрет интеллигента, нарисованный «Вехами». Поскольку этот текст широко известен и доступен¹, нет необходимости пересказывать здесь эту картину. «Таким образом, действительно русская “интеллигенция” на протяжении вот уже более чем столетия представляет из себя чрезвычайно типичное социальное образование, со столь определенной и резко выраженной идейной и эмоционально-волевой характеристикой...»².

П. Н. Милоков критикует «Вехи», расширительно толкуя интеллигенцию как образованный слой общества. Он предлагает один из способов ответа интеллигенции на критику: отделение интеллигенции и «интеллигентщины», «образованщины» и отождествление интеллигенции с образованным классом вообще. Этот же способ затушевывает неприятные социально-психологические особенности интеллигенции и явно демонстрирует ее претензии на культурную экспансию.

Поскольку не история интеллигенции является темой данной работы, не будем следить за тем, как эта группа эволюционировала после революции. Некоторые исследователи считают, что дореволюционная интеллигенция была полностью уничтожена, а интеллигенция советская — уже совсем другое явление³. Однако важно, что в годы

¹ См., например, издания: Вехи. Из глубины. М., 1991; Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991 и др.

² Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. С. 233.

³ Такая точка зрения высказывается, например, нынешними социологами, исследующими российские элиты (Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007. С. 9, 13). Однако она не кажется убедительной. Она во многом покоится на интеллигентском же мифе о «высокой духовности» дореволюционной интеллигенции. Кроме того, они продолжают

советской власти интеллигенция в полной мере осуществила свои претензии, получив полную культурную монополию и уничтожив все другие реально до этого существовавшие подходы к культуре.

Самооценка интеллигенции продолжается в духе подхода Милюкова, тем более что иллюзия единственности, единственной правильности интеллигентской самотрактовки как бы подтверждается десятилетиями ее абсолютного господства в стране. Даже обращение к православной традиции не может служить сильной альтернативой, поскольку эта традиция характеризуется практически полным отсутствием теоретических интеллектуальных разработок, ограничиваясь догматикой и канонами.

Примером разработки подхода Милюкова может служить концепция Ю. М. Лотмана¹, вклад которого в выживание и развитие советской гуманитарной культуры не подлежит никакому сомнению. Ю. М. Лотман высказал следующие тезисы: надо различать интеллигенцию (профессиональную социальную группу) и интеллигентность (психологическое свойство личности); интеллигентность — это психологический нравственный тип, это ощущение, что есть душа; это внутренняя свобода, самоуважение; интеллигент — это «человек, который болен любовью к родине» (Гоголь); культура (понимаемая как духовная, нравственная среда) облагораживает человека, превращает его в интеллигентного.

Подход Ю. М. Лотмана разделяет и Д. С. Лихачев, определяющий интеллигента как образованного человека, обладающего большой внутренней культурой и свободой, понимаемой как «независимость мысли при европейском образовании»². Свобода для интеллигента — нравственная категория; он несвободен только от своей совести и своей мысли.

Важными и гораздо более близкими к избранной теме являются попытки описания не интеллигенции как некоего объективного

использовать термин «интеллигенция» при описании элит советского и постсоветского периодов (Там же. С. 14, 16 и далее).

¹ Точка зрения Ю. М. Лотмана была изложена, например, в серии телевизионных бесед «Культура и интеллигентность», которая неоднократно широко транслировалась по российскому телевидению, т. е. вводилась в обыденное сознание интеллигенции.

² *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции: письмо в редакцию // *Новый мир.* 1993. № 2. С. 3. Ср. это определение с пониманием Кантом «просвещенного человека». Интересно также сравнение гонений на интеллигенцию с гонениями на христиан: *Занесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 194.

социального явления, но ее дискурса. В качестве примера приведем одну из наиболее удачных, на наш взгляд, таких попыток.

М. Ю. Лотман¹ отмечает, что, кроме определения и описания самой интеллигенции, существенно выявление основных внутренних параметров интеллигентского мировосприятия и авто-рефлексии, то есть «интеллигентского дискурса». Большинство разговоров об интеллигенции и интеллигентности совершенно естественно входят в пространство «интеллигентского дискурса». М. Ю. Лотман понимает дискурс в духе «археологического подхода» М. Фуко, при этом дискурс — это не только слова и тексты, но и стратегии их продуцирования, распространения и понимания, а также реальность, в этих словах заключенная и трансформируемая под их влиянием. Внешняя неопределенность «интеллигентского дискурса» компенсируется чрезвычайной внутренней устойчивостью структуры самого дискурса, его логики, на протяжении полутора веков практически неизменной. «Интеллигентский дискурс» оказывается чрезвычайно емким, но главные его особенности не в объеме, а в характере и структуре связей. «Дискурс этот характеризуется сверхсвязностью (все связано со всем), что отделяет его от рассудочных дискурсов научного, философского или даже публицистического типов и приближает к художественным (причем скорее поэтическим, нежели прозаическим) и мифологическим дискурсам. А сверхсвязность, в свою очередь, закономерно приводит к амбивалентности, аморфности и прямолинейности»².

М. Ю. Лотман предлагает далее обзор категорий «интеллигентского дискурса», ряд которых являются культурологическими универсалиями, другие — универсалиями русской культуры, а третьи специфичны именно для данного дискурса. В первых двух случаях интерес представляют способы реализации данных универсалий.

Важнейшей чертой русской интеллигенции является соотнесенность ее с западными образцами. Однако «дело очевидным образом идет не просто о перенесении, трансплантации западноевропейской модели — помещение ее в принципиально иной культурный контекст приводит к ее перекодировке в терминах, специфических именно для русской культуры, трансформации, в результате кото-

¹ Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. Новая серия. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 122–151.

² Там же. С. 127.

рой многие из исходных компонентов были утеряны, а некоторые добавлены, и, что еще важнее, большинство акцентов было смещено, например, “передвинуто” из интеллектуальной сферы в сферу нравственную. В результате такого транскультурного перевода русская интеллигенция и с содержательной, и с функциональной точки зрения оказалась явлением принципиально иного порядка, нежели западная интеллектуальная элита»¹.

Одна из важнейших особенностей «интеллигентского дискурса» — его ярко выраженная ориентация на художественную литературу. Эта ориентация относится и к тексту, и к метатексту: жизненные ситуации интерпретируются сквозь призму литературы, то есть жизнь по отношению к литературе вторична, а типичными, «эталонными» интеллигентами становятся в основном литературные персонажи. «Производится двойная подмена: вместо реальных людей и исторических типов рассматриваются литературные герои, результаты же этого анализа выдаются за исследование самой “жизни”»: Онегин с Печориным оказываются не литературными персонажами, а общественно-психологическими типами... интеллигент — это, в первую очередь, литературный тип... литературна его сущность, литературно происхождение... интеллигенция происходит из слов, сказанных по поводу слов, сказанных по поводу слов etc.»². Это уже мифология. Весь «интеллигентский дискурс» в своей основе глубоко мифологичен, и все его параметры суть мифологемы.

В последние годы появилось необычайно большое количество исследований истории и бытия российской интеллигенции. В них мне не удалось обнаружить ничего принципиально нового по сравнению с упомянутыми фундаментальными подходами, рассматривающими, в общем, один и тот же набор социально-психологических характеристик интеллигенции, только приписывающими им либо положительные, либо отрицательные значения. Рассуждая об интеллигенции, многие исследователи явно или неявно включают в создаваемое определение элементы самоописания интеллигентов. Отсюда пафосность, неясность, нечеткость представлений, смешение социально-политического, революционного и морально-нравственного.

Интеллигенция активно, хотя и по своим канонам, всегда борется за «место под солнцем», то есть за влияние на власть и за саму власть.

¹ *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода. С. 128.

² Там же. С. 147–148.

В первую очередь это выразилось в определении ее «собственной» области, то есть в претензии на культурную монополию, на «владение умами» и на просвещение народа. Была создана мифология русской интеллигентской культуры, сам «дух» России стал отождествляться с ней. Социальное и социально-психологическое положение интеллигенции стало отождествляться с «особенностями русского духа».

* * *

Сформулируем теперь коротко ту методологическую схему, *«интеллигентскую парадигму»*, которая сложилась под полутора-вековым влиянием интеллигентского подхода к истории. При этом выделим те ее черты, которые проявляются при историческом исследовании интересующего времени.

История как литература. «Интеллигентская парадигма» родилась в среде журналистики, публицистики и художественной критики. Интеллигенция с самого своего появления стремилась во что бы то ни стало продемонстрировать, что русская литература есть ее территория, ее порождение, ее важнейшее оружие в борьбе за умы и сердца людей, в борьбе за мировую справедливость. Крупнейших российских писателей и поэтов публицисты и критики записывают в интеллигенцию, перетолковывая смыслы их произведений на свой лад, снабжая эти произведения и их героев ярлыками «революционера», «лишнего человека», «будущего декабриста» и т. д. Перетолкованные литературные тексты и мнения литераторов становятся краеугольными текстами и мнениями, библией интеллигенции. Личные писательские оценки исторических деятелей и событий становятся базисными для трактовки той или иной исторической эпохи. В качестве примеров деятелей эпохи берутся литературные персонажи, писатели становятся непрекаемыми авторитетами в исторических исследованиях. В самом деле, кто, как не интеллигентные писатели, так глубоко проникает в «дух эпохи», чувствует и передает ее настроения и смыслы, ведь они причастны миру идей, миру истины.

Разделение по стилям и историческим эпохам приводит к тому, что не только искусство, литература, поэзия становятся некими объективными сущностями, которые «развиваются», «требуют» и т. д., но и Просвещение и Возрождение становятся таковыми.

Культура как герменевтика. Культура и история человечества есть не что иное как совокупность порожденных людьми текстов. Значит, понять, объяснить и предвидеть может только тот, кто умеет читать

и трактовать эти тексты. А на это способен только тот, кто посвящает жизнь чтению, толкованию и писанию текстов, то есть «истинный интеллигент» — интеллигент, причастный истине. Все в культуре суть тексты, они лишь по-разному мировоззренчески нагружены. Интеллигент же есть тот, кто обладает «мировоззрением», «миропониманием», «мироощущением», и не только обладает, но сознательно пользуется всем этим. Для понимания же истории самую важную роль играют тексты литературные, «насквозь» «мировоззренческие».

«Введение в научный оборот». Понимание одной из главных задач интеллигенции — просвещения как распределения духовных благ, как раздачи чужого творчества, популяризации и пропаганды, слабость творческих потенциалов, многолетняя привычка «не высовываться» привели в исторических науках к широкому распространению такого рода деятельности, как «введение документов в научный оборот». В истории философии этому соответствует критический пересказ и сопоставление текстов различных исследователей. В этом случае собственная позиция исследователя не декларируется, не обосновывается и не обсуждается. Эта позиция может быть зафиксирована лишь в выборе текстов для публикации и в минимальных комментариях обычно справочного характера. Такой способ деятельности в науке, совершенно необходимый как этап исследования, превращается в конечную цель, работа не доводится до стадии явного выдвижения гипотезы.

Упрощенные гуманитарные модели. И образ жизни, и уровень образования огромного большинства гуманитарных интеллигентов оказываются весьма ограниченными. Соответственно, используемая ими рационализация обычно проста, схемы человеческих и ментальных отношений одномерны или двумерны (таблицы в два-три столбца, «прямоугольники и стрелки», схемы «ромашки»). Для разработки же гипотез используются достаточно упрощенные догматические дуальные модели, в основе которых лежит максималистское дуальное же «мировоззрение» интеллигенции: благо народа — и зло власти, моральность общественно-го — и аморальность индивидуального (или наоборот). На этом фоне появляются весьма редко и резко выделяются исследования, основной пафос которых направлен на разрушение дуальных стереотипов, на описание сложности жизни и множественности действующих факторов и обстоятельств.

Суд истории. Верхний теоретический уровень «интеллигентской парадигмы» погружает нас в атмосферу суда. Здесь доминируют мо-

ральные суждения и политические критерии. Человек, живущий позже, в силу исторического прогресса более развит и мудр, чем его предки. Поскольку интеллигент причастен истине, он имеет право и обязан творить свой суд над героями его истории и выносить им приговоры. Наивысшее одобрение получают герои-«революционеры», борцы с властью деспотического государства во благо народа, с «мещанской» повседневностью и бытом, «просветители», несущие в народ свет спасения. «Совесь» всегда стоит выше права. Многие исследователи стараются вообще избегать теоретических гипотез, ограничиваясь «предварительным следствием» и считая все остальное опасной или идеологизированной спекуляцией.

Для нашей темы особенно важно обратить внимание на *взаимоотношение аристократии и «аристократии духа»*. Интеллигенция частично произошла от дворянства, по крайней мере в трех смыслах. Во-первых, достаточно большое количество дворян оказалось в ее рядах. Во-вторых, многие интеллигенты получали возможность учиться и жить благодаря покровительству и прямой материальной помощи богатых дворян. В-третьих, интеллигенция, так же как и купечество, заимствовала у дворянства многие нормы и привычки культурного поведения. Однако интеллигенция и аристократия всегда относились друг к другу достаточно враждебно. Для аристократов интеллигенты всегда были нищими недоучками, неврастениками, больными политикой и социальной мистикой. Аристократы же, в силу их образованности, богатства и причастности власти, всегда были ненавистны интеллигентам¹. После революционной победы интеллигентов над аристократами первые приписали себе и своим предшественникам лучшие характеристики аристократов, главным образом образованность, культурность, духовность, оставив аристократам «спесь», «рафинированное хамство» и «крепостничество». Такое перекрашивание нетрудно было сделать на фоне низкой культуры поднятых революцией городских низов и крестьянства. Печальная ирония заключается в том, что при советской власти «аристократами духа» официально считаются — и соответственно ведут себя — актеры академических театров, всю жизнь играющие аристократов и дворян в классических пьесах А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Особую героическую роль играет мифологическая фигура «Учителя» (чаще всего школьного, особенно сельского), героически «отдаю-

¹ См., например: *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 49, 51, 53–54.

шего всего себя» ученикам, но при этом не имеющего ни времени, ни возможностей подпитывать свое «внутреннее пламя» серьезным повышением своего профессионального, психологического и культурного уровня. Интеллигенция стремится отождествить себя с образованным классом, представить историю России, по крайней мере последних веков, как историю взаимоотношений и смертельной борьбы этого образованного класса и власти.

* * *

Разработанная интеллигентами традиция привела к тому, что из истории как науки почти совершенно исчезли гипотезы и теории «среднего уровня». Те, кто занимается историей (не считая «исторических романистов»), работают главным образом в трех областях:

- во вспомогательных исторических дисциплинах (история мундира, генеалогия, историография, публикация архивных документов и т. д.);
- в популярных жанрах (сборники рассказов и телефильмы об исторических деятелях, о пытках на Руси, о придворных обычаях и т. д.);
- в историософии.

Теории и гипотезы «среднего уровня» — весьма трудное и ответственное дело, всегда открытое для яростной критики (или презрительного умалчивания) коллег. Это дело подразумевает владение различными методами и подходами к построению научных гипотез с опорой на исторические свидетельства, а главное — внимательный и безжалостный самоанализ, выявление и описание используемых самими историками методов и приемов, их сильных и слабых сторон, их зависимости от идеологической позиции автора. Такая работа подразумевает профессионала-ученого, результаты научной работы которого непредсказуемы и часто расходятся, как во всякой науке, с общепринятыми концепциями и взглядами. Профессионалы используют совершенно естественный путь: они работают в мировой науке и стараются мыслить в категориях, ценностях и проблемах мировой науки, разумно и обоснованно считая себя ее частью¹.

¹ См., например: *Репина Л. П.* Введение. Историческая культура как предмет исследования // *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. С. 5—18.

Интеллигенция стремится совсем не к этому¹. Позиция интеллектуала-профессионала вызывает у нее очень резкую реакцию осуждения. Профессионал обвиняется прежде всего в безнравственности: занимаясь делом, он оказывается в стороне от «нравственных проблем» интеллигенции, от «борьбы за народ и его культуру». Стремление профессионала как можно лучше и добросовестнее делать свою работу (что поглощает у серьезного исследователя фактически все его жизненное время) считается не имеющим отношения к нравственности и осуждается как бегство от проблем общества (а возможно, и как очевидный упрек бесплодию интеллигента).

Между тем здесь производится смешение двух аспектов социальной жизни — профессионального и гражданского. Интеллигенция отождествляет их «не от хорошей жизни», поскольку в обществе практически нет поля для гражданской практики и всякое социальное действие становится либо административным, либо личностным. Может быть, отсутствие такого «гражданского состояния», слияние гражданского и личного в противостоянии официальному и административному и составляет главную черту интеллигента.

Ситуацию еще более осложняет тот факт, что в российском обществе профессионал-гуманитарий, интеллектуал вольно или невольно оказывается в окружении интеллигентов и воспринимается всеми как интеллигент. От него ждут соответствующих реакций, он сам привыкает к ним и часто не в состоянии отделить себя от интеллигенции. Обыденное мышление его сообщества фактически всегда находится во власти «интеллигентской парадигмы».

* * *

Главной же теоретической опорой интеллигенции является историософия (хотя это не всегда явно видно). Именно историософия для истинного интеллигента заменяет историю, литературу и философию, именно в ней он ищет ответы на мучающие его глобальные вопросы². Сам термин «историософия» появился

¹ См., например: Интеллектуальное пространство современной России: круглый стол. СПб., 2008.

² Одним из самых ярких и талантливых примеров современной российской историософии является концепция В. К. Кантора. См., например: *Кантор В. К. Соседи: Арабески*. М., 2008; *Кантор В. К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М., 2007; *Кантор В. К.* Между

одновременно с интеллигенцией и был связан с гегелевской схемой мировой истории¹. Однако у Н. А. Бердяева историософия становится особой мыслительной традицией, по принадлежности к которой он определял свою «русскость», для него русская мысль всегда была историософической². У В. В. Зеньковского русская мысль также «сплошь историософична»³.

Интеллигентская историософия в России не просто концентрируется на соотношении общеуниверсального и индивидуально-го в истории, она называет главное опосредующее звено между общеуниверсальным и индивидуальным, главную категорию и предмет горячей и постоянной своей заботы — Россию. Это понятие используется чрезвычайно часто и широко, вызывая не столько рациональные построения, сколько священный трепет и патриотические эмоции. Сомнение в построениях, использующих столь возвышенную категорию, кажется не просто ошибочным, оно кажется непатриотичным, безнравственным. Видимо, такое отношение в гораздо большей степени подавляло и подавляет всякое желание выдвигать критические исторические гипотезы, чем идеологические запреты и даже репрессии времен советской власти.

Если считать объектом историософии объективное историческое бытие⁴, то историософия становится «онтологией истории», точнее, даже «метафизикой истории», что в интерпретации российской интеллигенции становится «теологией истории» и «этикой истории».

Русская историософия, естественно, не подвергает анализу свои основания, будучи настоящей метафизикой. Наоборот, она часто опирается в своих «полетах нравственной мысли» на общепринятые, установившиеся, традиционные (и часто уже не принимаемые всерьез профессионалами) представления о России и ее истории. Результаты серьезных исследований историков не могут служить ей материалом, пока не войдут в привычку, в учебники, в офици-

произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М., 2007; Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки. М., 1997.

¹ *Русакова О. Ф.* Историософия: структура предмета и дискурса // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 59.

² *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1990. С. 286.

³ См. об этом: *Русакова О. Ф.* Историософия. С. 51–52.

⁴ Там же. С. 55.

альные программы и в другие индоктринирующие средства общего образования. Эти результаты всегда неоднозначны, сомнительны, фальсифицируемы, спорны и часто не вписываются в уже привычные историософские схемы.

Российские социологи отмечают, что некоторые особенности «интеллигентского» взгляда на историю не являются столь уж необычными, наоборот, они воспроизводят давнюю традицию: «Российское историческое время сложено из относительно коротких — по меркам других обществ — отрезков, каждый из которых как бы начинает историю (институциональную традицию и память) заново, с “чистого листа”. Каждый период обычно находит свое “оправдание” в отрицании предыдущего правления и расправах с его элитарными структурами. Функции отсутствующей исторической традиции (как инструмента легализации и поддержки существующего порядка) восполняются квазиисторической мифологией»¹.

«Интеллигентская парадигма» оказалась господствующей и отгородила гуманитариев от других способов видения мира и вхождения в культуру². Чтобы открыть новые возможности интерпретаций истории, преодолеть вековые штампы и запреты, понять разных людей разного прошлого, приходится заново восстанавливать основы иных, «неинтеллигентских» мировоззрений. Для восстановления мировоззренческих, «ментальных» структур приходится учиться читать культурные деяния и творения как мировоззренческие (мировоззренчески нагруженные) гипертексты.

Первое, что, видимо, следует сделать, — это попытаться освободиться от одного из главных приемов «интеллигентской парадигмы» — слияния литературы (и вообще искусства), истории и нравственности. Интересно, что проблемой освобождения от интеллигентских спекуляций озаботились в первую очередь литераторы, а не историки и философы.

То, что искусство не имеет прямого отношения к нравственности как системе общепринятых норм, утверждали, например, Оскар Уайльд и Владимир Набоков. Значит, литература не может претендовать на роль учебника нравственности, ибо все то, что в ней от учебника (то есть какие-то правила или случаи, превра-

¹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России. С. 5.

² «Практически все современные трактовки и проблемы элитарных групп, барьеров, функций непосредственно восходят к советскому периоду» (Там же).

щенные в образцы поведения), привнесено извне, в лучшем случае из философических концепций автора, а в худшем (и наиболее частом) — из его предрассудков и комплексов. Кажется, авторы XX века уже научились это различать.

И. А. Бродский четко обозначает социальную разницу между писателями и элитой российского общества. Поэт прекрасно представляет себе эволюцию писательства в России. «Так часто возникали эти персонажи на бумаге, и так много было людей, населявших бумагу ими, и так безупречно владели эти люди своим материалом, и таков был этот материал — слова, — что очень скоро в городе стало твориться нечто странное. Процесс распознавания этих неисправимо семантических, насыщенных морализированием образов превратился в процесс самоотождествления с ними... К середине девятнадцатого столетия отражаемый и отражение сливаются воедино: русская литература сравнилась с действительностью в такой степени, что... невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего»¹. Все это приводит литературу к присвоению себе несвойственных ей в других странах функций, и литератор принимает за аксиому, что «Россия, в отличие от народов счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т. п., в состоянии осознать себя только через литературу...»². Искусство и нравственность абсолютно совмещаются.

Может показаться, что возникшая почти два века назад ситуация продолжается и сегодня. «Благодаря объему и качеству русской прозы девятнадцатого века возникло и широко распространилось убеждение, что великая русская литература прошлого столетия автоматически, в силу чистой инерции, перекочевала в нынешнее»³. К сожалению, это не так. Разумеется, в этом в первую очередь виновато государство и созданный им репрессивный общественный порядок. Однако, как замечает Бродский, *в самой литературе XIX века таилась некий порок*, спровоцировавший дальнейший провал.

Произошедшая в XX веке «беспрецедентная антропологическая трагедия» оказала огромное влияние на литературу. Эта трагедия в значительной степени ограничивает собой воображение писателя. «Личная, не говоря национальная, драма сокращает, а порой даже исключает способность писателя добиться эстетического отстра-

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. СПб., 1999. С. 61–62.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 188.

нения, необходимого для создания долговечного художественного произведения». Трагедия усугубляет подобие искусства и жизни «до такой степени, что сводит его до синонима». Поэт констатирует результат с точки зрения искусства: «Печальная истина касательно этого уравнивания искусства и жизни заключается в том, что осуществляется оно всегда за счет искусства». А ведь «задача художника заключается в том, чтобы рассказать историю не по ее, а по своим собственным правилам», его мироощущение в большей степени предопределено «динамикой, логикой и законами его ремесла, чем его реальным историческим опытом, который почти всегда избыточен [курсив мой. — М. М.]. Долг художника перед обществом — выразить это мироощущение, предложить его аудитории как, вероятно, единственный доступный путь, уводящий от своего известного, пленного “я”. Если искусство чему-то и учит человека, так это — уподобиться искусству, а не другим людям... И именно здесь терпит поражение русская проза нашего века. Завороженная масштабами трагедии, постигшей нацию, она расчесывает свои раны, не находя в себе сил выйти за пределы этого опыта, ни философски, ни стилистически»¹.

Нас не интересуют здесь подробно разобранные Бродским особенности альтернативы Достоевского, а также действительно уникальные возможности русской прозы. Важно, что именно такая литература, то есть литература, сделавшая описанный только что исторический выбор, и стала заместителем истории и основой историософии в России. Бродский, как мы уже указывали, рассматривает, что принесло тождество литературы и жизни литературе. Главное, что это тождество пытается отнять у русской литературы, — это ее *неравенство* жизни, ее лучшую традицию. Образцы, именуемые «классическими», на самом деле являются вчерашними. Призыв равняться на классика отбрасывает весь опыт последних ста лет. А этот опыт важен не только для литературы, но и для всей гуманитарной мысли России, которая неразрывно связана с литературой. За последнее столетие стала принята «демонстрация самоосознания, проявляемая в том, что рассказчик устанавливает дистанцию между собой и рассказом. Это, в конечном счете, есть позиция самого времени по отношению к существованию»². Для профессионального гуманитарного и, в частности, исторического исследования это означает постоянную рефлексивность над своим методом и его основаниями.

¹ Бродский И. Сочинения. Том V. С. 192.

² Там же. С. 208.